

pretended on the management of English foreign policy and tried to control the activity of the head of Foreign office. The diplomatic service in England at that period was professional.

В. С. Кошелев

МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМА В ЕГИПТЕ (вторая половина XIX – начало XX в.)

События последних десятилетий с исключительной наглядностью свидетельствуют об активной и вместе с тем противоречивой роли ислама как политической силы, громко заявившей о себе на рубеже XX – XXI вв. Так называемый исламский фактор находит самое разнообразное проявление как в социально-экономической сфере ряда мусульманских государств, так и на международной арене. Рост антизападных настроений в исламском мире сопровождается растущей обеспокоенностью европейцев перед лицом «исламской угрозы», исходящей прежде всего от мусульманских экстремистов. Некоторые исследователи и аналитики предрекают неизбежность столкновения между исламской цивилизацией и Западом. Широкую популярность в этой связи получила небесспорная концепция «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона. Глобальная политика в настоящее время все больше стала учитывать взаимодействие локальных цивилизаций. Своеобразным феноменом конца XX в. стало возрождение и радикализация ислама на постсоветском пространстве. Отнюдь не случайно исламская проблематика стала важнейшим направлением мировой исторической науки.

Сложный и противоречивый характер цивилизационного развития мусульманского мира, естественно, требует тщательного изучения и глубокого осмысления. При этом весьма полезным, с эвристической точки зрения, представляется обращение не только к общим или региональным проблемам ислама, но и к многообразию его проявлений в отдельных странах арабо-мусульманского мира в период активной европейской экспансии XIX в., сопровождавшейся постепенной модернизацией традиционного восточного общества. В этом смысле весьма показательна история так называемого политического ислама в одной из крупнейших стран арабского Востока – Египте.

Своеобразие длительной исторической эволюции египетского общества заключается в том, что с 525 г. до н. э. и на протяжении более двух тысячелетий оно находилось под властью чужеземных завоевателей. Персов сменили эллины и римляне, византийцев – мусульманские халифы и мамлюкские султаны. После того, как в 1517 г. турки-османы разгромили войска мамлюкских правителей, Египет вошел в состав Османской империи. Почти 400-летнее пребывание в составе этой огромной державы наложило неизгладимую печать на все стороны жизни египетского общества. Тем не менее, в основе своей оно сохранило самобытный характер, определявшийся специфическими формами хозяйственной деятельности и приспособленностью населения к природной среде.

По мере ослабления Османской империи и постепенного возвышения мамлюкской прослойки значение турецкого паши, официального наместника (вали) султана в Каире, падало. К началу XVIII в. вся полнота власти практически перешла в руки мамлюкских беев. С этого времени явственно обозначилась тенденция, направленная на создание полунезависимого египетского феодального государства. Н. Иванов считает, что после 1711 г., когда мамлюки впервые изгнали турецкого пашу, в стране при сохранении сюзеренитета султана был восстановлен мамлюкский эмират [1, с. 159].

Многие авторы, порой независимо друг от друга, приходят к единому выводу: предпосылки для создания независимого египетского государства формировались задолго до прихода европейцев и превращения Египта в английскую колонию. В этой связи ученые обращают внимание на такие малоизученные явления, как ориентация мамлюкских правителей на местные традиции общественной и государственной жизни, их покровительство местным (автохтонным) представителям искусства и культуры, кризис арабо-мусульманского классицизма и рост значения фольклора, появление первых суфийских трактатов, написанных на народном разговорном языке, наконец, развитие культа местных святых, находившегося в противоречии с концепцией «ортодоксального ислама» [1, с. 160; 2, с. 333; 3, с. 57–75].

Глубокий кризис, который переживала отсталая система восточнофеодального общества, совпал с французским вторжением в 1798 г. С этого времени внешний фактор становится важнейшим в числе условий, способствовавших разрушению традиционной структуры египетского общества и созданию новых социально-политических связей. Мамлюкские правители не смогли оказать организованного сопротивления европейским завоевателям. Дело защиты страны взял в свои руки народ – факт, безусловно, ярчайший в новой истории Египта.

Именно вторжением Франции историки традиционно датируют «пробуждение» Египта. Причем экономическая, политическая и духовная трансформация египетского общества, как правило, объясняется тем исключительным влиянием, которое оказала на него экспедиция Бонапарта. Известная односторонность такого подхода все в большей степени стала осознаваться многими исследователями. Теперь уже ясно, что нельзя игнорировать ни принадлежность Египта к османскому миру, ни роль чисто местных традиций в экономической и политической жизни страны, в сфере религии, общественной мысли и культуры, наконец, саму идею преемственности исторического процесса. И накануне французской экспедиции в Египте существовали «подвижные силы, определенная политическая, экономическая и культурная среда», оказывавшие влияние на эволюцию страны [2, с. 116].

Наряду с самими мамлюками, такой «подвижной силой» была верхушка мусульманского духовенства – улемы [4, с. 264–280; 5, с. 149–167]. Они являлись частью господствующего феодального класса, составляли весьма специфическую социальную прослойку, которая традиционно выполняла важную идеологическую функцию посредника между мусульманскими правителями и подданными. В условиях обострившейся борьбы за власть между мамлюками, правителями и Портой, а также внутри самого мамлюкского сословия политическая роль улемов еще более возросла. За помощью к ним обращались различные конфликтующие группировки. В то же время нельзя не учитывать и тесную связь улемов с народными массами. Во второй половине XVIII в. стало заметно их сближение с горожанами, в особенности с торговыми кругами. Отнюдь не случаен тот факт, что народные движения конца XVIII в. возглавлялись, как правило, улемами и торговцами [6, с. 32–38; 7, с. 46–56].

Помимо традиции и благоприятной политической конъюнктуры, росту влияния улемов способствовало укрепление их экономических позиций. Последнее происходило, в основном, за счет расширения вакфных владений. В конце XVIII в. к этой категории принадлежала значительная часть обрабатываемых земель [2, с. 137]. Нередко улемы занимались предпринимательской (торговой) деятельностью. С конца XVII в. некоторые из них становятся владельцами земельных наделов – ильтизамов. Несмотря на свою близость к феодально-мамлюкской аристократии, они больше тяготели к торговым кругам. Неудивительно, что и генерал Бонапарт пытался привлечь улемов на свою сторону.

Бурные события, захлестнувшие Египет на рубеже XVIII–XIX вв., сделали невозможным сохранение общественно-государственной системы феодального общества в неизменном виде. В условиях перманентной анархии происходил дальнейший процесс консолидации улемов и представителей зажиточной торговой прослойки. Именно эти круги и привели в 1804 г. к власти Мухаммеда Али – командира небольшого албанского отряда, входившего в состав турецкой армии. Их интересы во многом определяли первоначальную политику нового правителя, хотя внешне казалось, что его личные устремления удивительно совпадали с общим ходом исторического развития. В деятельности Мухаммеда Али получила практическое воплощение тенденция к созданию независимого египетского государства. Создавая централизованные государственно-политические и административные структуры, он опирался на избранный крут улемов и купечества. С их помощью он раз и навсегда покончил с более чем пятивековым господством мамлюков в Египте, создал независимое государство, только формально находившееся под сюзеренитетом турецкого султана.

При Мухаммеде Али произошли радикальные изменения в составе правящей элиты. Прежняя модель союза между мамлюками, улемами и торговцами, направленного на сдерживание и ограничение власти османского вали, уступила место новой – союзу (или видимости его, учитывая в дальнейшем раскол союза) между вали, которым официально являлся Мухаммед Али, и верхушкой купечества и улемов. Ранее существовавшая система подвижных, скоротечных и в то же время аморфных объединений, кланов и группировок интегрировалась в правящую иерархию, вне рамок которой оппозиционные блоки были практически невозможны. Новый правитель физически уничтожил наиболее знатных и могущественных мамлюков (остальные перешли к нему на службу), создал регулярную армию, централизованную систему государственного и административного управления, построил фабрики и заводы, по существу, ввел этатизированную систему хозяйства, которая всецело была поставлена на службу идее создания могущественной мусульманской державы.

Расправившись с мамлюками и став полновластным правителем Египта, Мухаммед Али уже не испытывал прежней потребности в союзе с религиозной и торговой верхушкой. Он подчинил своей воле улемов; с их относительной независимостью и политической ролью, которую они играли на протяжении двух столетий, было покончено раз и навсегда. Поскольку улемы в дальнейшем не претендовали на политическую власть, они имели все основания рассчитывать на расположение и покровительство правителей Египта. Однако в социальном и религиозном плане их влияние все еще было значительным. При соответствующих условиях социально-религиозное влияние могло легко трансформироваться в политическое (в какой-то степени это происходило в период восстания Ораби-паши). Дабы исключить подобный поворот, хедив Исмаил, например, держал высшее духовенство под неослабным контролем, используя при этом политику пряника и кнута.

В условиях европейской экспансии 70–80-х гг. XIX в. гораздо большую роль в противостоянии ей, нежели считалось ранее, сыграла интеллигенция традиционного типа, в том числе служители культа, шариатские судьи, учителя религии и арабского языка [8]. В условиях, когда многие сферы общественно-политической жизни еще сохраняли архаичные, средневековые черты, влияние традиционной интеллигенции на широкие слои населения было велико. Во время антиколониального восстания Ораби-паши отдельные ее представители выступали со значительно более радикальных позиций, нежели представители «новой» европеизировавшейся интеллигенции.

Именно в это время мусульманский реформатор и политический агитатор, основатель идеологии панисламизма Джамаль ад-Дин аль-Афгани внес огромный вклад в создание патриотически-настроенной прессы в Египте. Последняя рассматривалась им в качестве важнейшего инструмента пробуждения национального самосознания и политизации масс, пропаганды идей общемусульманского единства [9, с. 45]. Особого внимания при этом заслуживает пресса, духовным руководителем и организатором которой был сам аль-Афгани [10, с. 96–97; 11, с. 53; 9, с. 45; 12, с. 51–53]. При его непосредственном участии возникла национально-патриотическая пресса – газеты «Абу Наддара», «Мыср», «Ат-Тигара», «Мират аш-Шарк». Именно эти издания стали рупором социально-политических идей аль-Афгани и его учеников – Якуба Сануа, Мухаммеда Абдо, Абдаллы ан-Надима, Адиба Исхака, Ибрахима аль-Лаккани и др.

Элементы двух политических культур – традиционной мусульманской и европейской – причудливо переплетались в публикациях «злых писателей» [13, с. 309], как иногда называют в исторической литературе учеников аль-Афгани. Особенно хорошо это прослеживается на примере одного из самых «злых», но отнюдь не революционера – Адиба Исхака. Остро чувствовавший эпоху, он обращался к ключевым проблемам, которые в той или иной степени волновали египетское общество. Восток и Запад – главная; все остальные рассматривались им через призму столкновения и противоборства двух миров – двух цивилизаций. Есть два пути спасения мусульманского Востока – это просвещение масс и следование принципу «консультативности» (шура) или парламентаризма. Исхак был далек от сугубо исторического этимологического понимания принципа «шура», предполагавшего наличие консультативного органа мусульманской общины. Он выступал за единение людей различных верований, отвергая при этом религиозную нетерпимость и сектантство.

Адиб Исхак видел свою задачу в просвещении масс, он обращался к простому народу (аввам), читающей публике, столь чувствительной к «хорошему стилю», поэтическим и литературным реминисценциям, напоминанию о былом величии мусульманского мира. Однако его несколько манерный язык вряд ли мог волновать простых людей. Евангельский стиль писателя в действительности был обращен к «аристократии духа» – египетской интеллигенции. Именно в ней он видел «просвещенных патриотов», элиту общества, наделенную особой миссией: подготовить арабское отечество с помощью прессы, этого «двигателя идей», к борьбе против экспансии европейских держав [13, с. 309–310].

Клерикальные круги не остались в стороне и от процесса формирования современных структур общественно-политического протеста, придавая им специфически религиозный характер.

Когда на Египет обрушилась волна европейской колониальной экспансии (конец XVIII – начало XIX в.), антиколониальное сопротивление приняло характер борьбы против «неверных» и сопровождалось массовыми народными выступлениями средневекового типа. Признанными руководителями этой борьбы, естественно, были традиционные вожди: представители старой феодальной администрации, шейхи Аль-Азхара, религиозных братств, племен, ремесленных и торговых корпораций, квартальные шейхи. При этом использовались все виды социальной организации городского и сельского населения – корпоративно-профессиональные, квартальные, племенные, религиозные и т. д. [6, с. 32–38; 7, с. 46–56]. Формы и методы антиколониального сопротивления вытекали из стадийного и цивилизационного уровня развития египетского феодального общества, были целиком и полностью обусловлены социальной и политической системой ислама.

Иные, более современные формы приняла освободительная борьба египетского народа в конце 70 – начале 80-х гг. XIX в., развернувшаяся под лозунгом «Египет для египтян». К тому времени традиционное египетское общество претерпело значительные изменения. В результате реформ Мухаммеда Али и его преемников в стране создавались материальные предпосылки для культурного возрождения, которое было близким по характеру и содержанию к европейскому просветительству. Формировалась новая общественная сила – интеллигенция современного типа. В отличие от старой, традиционной, она воспринимала окружающий мир не столько через призму морально-этических и социальных предписаний ислама, сколько с позиций просветительства, подвергая критике самодержавный режим хедива и его учреждения. Включавшая выходцев из служилой бюрократии, купечества, мелких торговцев и даже крестьянства, а также сирийских писателей и публицистов, которые нашли политическое убежище в Египте, она, безусловно, была носителем идей буржуазного национализма, источником оппозиции к хедивату и европейскому проникновению.

Характерной чертой в деятельности формировавшегося оппозиционного движения была ориентация на создание политических обществ и организаций европейского типа. Большинство из них сыграло немалую роль во внутриполитической борьбе и национально-освободительном движении конца 70 – начала 80-х гг. XIX в.

Своеобразной переходной ступенью к ранним формам современной политической борьбы в большинстве стран Востока стала деятельность обществ и кружков, возникших в лоне просветительского движения [14]. В этом смысле, как показано в работах З. Левина, Египет не составлял исключения [15; 16, с. 30–82]. В стране появились различные литературные и научные общества (кружки) – своеобразные клубы-объединения молодой египетской интеллигенции. Некоторые из них пользовались покровительством влиятельных лиц. Но может быть, гораздо более примечательным является то, что традиционная, религиозно ориентированная интеллигенция сыграла в этом процессе исключительно важную роль. В этой связи можно назвать имена Якуба Сануа, аль-Афгани, Мухаммеда Абдо. На тайные заседания «Общества любителей науки», созданного Якубом Сануа в 1875 г., приходили и египетские улемы. Это не ускользнуло от внимания хедивских властей. Сначала улемам было запрещено посещать лекции Сануа, а затем последовало закрытие общества [17, с. 44; 18, с. 42].

Вполне определенно можно говорить об участии в общественно-политической жизни страны масонских организаций [17, с. 45–48; 19, с. 92–124; 20; 21, с. 138–143; 22, с. 139–143]. Проникновение масонов в Египте, как известно, начинается со времени египетской экспедиции Наполеона Бонапарта, когда в 1798 г. группа французских офицеров основала в Каире первую масонскую ложу под названием «Исис». С 1802 по 1815 г. появилось еще несколько организаций, контролируемых французской ложей «Великий Восток». Однако деятельность их носила ограниченный характер. Активизировались масоны в начале 30-х гг. Это произошло после того, как в Египте нашла убежище группа итальянских политических эмигрантов, основавших несколько масонских лож для прикрытия своей нелегальной деятельности. Преобладающим влиянием при дворе Мухаммеда Али пользовались французские масоны. В 1845 г. с ведома египетских властей они создали ложу в Александрии. Членами ее были несколько улемов и сановников, в том числе сын правителя Египта Халим-паша. К концу 60-х гг. французские и итальянские ложи появились также в Порт-Саиде, Суэце, Исмаилии и Эль-Мансуре. В то же время начинается проникновение немецких масонов. В 1866 г. они основали свою организацию, контролируемую «Великой ложей Гамбурга». Активизировались английские масоны. В 1862–1868 гг. было основано восемь английских лож, находившихся под контролем «Объединенной Великой ложи Англии» [20, с. 26].

Членами масонских лож были отдельные представители правой феодальной верхушки, а также некоторые деятели либерально-конституционного движения, просветители, армейские офицеры – в общей сложности около 300 человек. Большинство из них стали масонами, исходя из политических соображений. При этом одни (как, например, находившийся в изгнании Халим-паша) стремились использовать масонские ложи в борьбе за власть, другие – приспособить организационные формы и опыт конспиративной деятельности масонов для нужд оппозиционного движения. Следует учитывать также, что некоторые положения этого религиозно-этического движения (например, объединение людей на началах братства, любви, равенства и помощи) воспринимались в условиях Египта в духе первоначального масонства и обладали определенной притягательной силой. Очевидно, прав немецкий арабист Л. Ратман, говоря о «египетском движении масонов как сборном пункте оппозиционных сил» [23, с. 271]. Однако попытки этих сил использовать масонство в политических целях закончились полным провалом. Об этом убедительно свидетельствует печальный опыт Джамаль ад-Дина аль-Афгани [24, с. 122–125].

С именем последнего связано возникновение первых политических обществ и организационных форм антиколониального сопротивления не только в Египте, но и в других странах Ближнего и Среднего Востока. В Египте он предпринял наиболее серьезную попытку создания тайной политической организации, своего рода координирующего центра борьбы против деспотического режима хедива Исмаила и засилья европейских держав. Несмотря на бескомпромиссный и даже революционный характер своей антиколониальной агитации и критики хедива, аль-Афгани все же верил в справедливого и просвещенного правителя, хотел видеть во главе Египта мудрого хедива-реформатора. Все его помыслы были направлены на сплочение и объединение под своим руководством наиболее сознательных представителей интеллигенции, купечества, знати, улемов и армейских офицеров. Он установил и поддерживал связи с наследным принцем Тауфик-пашой, дабы использовать его в своих целях [9, с. 74].

Уже в начальный период (с 1871 г.) пребывания в Египте вокруг аль-Афгани сложилась весьма устойчивая группа учеников-единомышленников – типичных для того времени представителей передовой египетской интеллигенции. Среди них было немало лиц, которые станут позже писателями, журналистами, религиозными и политическими деятелями, участниками и лидерами национального движения. Это прежде всего Мухаммед Абдо, Абдалла ан-Надим, Якуб Сануа, Адиб Исхак, Салим ан-Наккаш, Ибрахим аль-Лаккани, Ибрахим аль-Мувайлихи, тогда еще совсем молодой Саад Заглул. По

мнению египетского историка Рифаата ас-Саида, ученики аль-Афгани образовали «тайный учебный кружок» [25, с. 108]. Некоторые из них пытались превратить его в суфийское общество. Однако такая ориентация менее всего устраивала их учителя, который, в конечном счете, стремился к созданию подлинной политической организации. С этой целью аль-Афгани обратился к весьма распространенному в эпоху Исмаила масонству. Стремление использовать его для конспиративных нужд политической и национально-освободительной борьбы не отличалось новизной, если бы речь не шла о мусульманской стране. Хорошо известны аналогичные попытки революционных сил в Греции, Италии, Польше, России и даже в некоторых странах Востока, например в Иране.

Первые известные нам документы (главным образом, письма-приглашения на собрания членов масонских лож), зафиксировавшие связи аль-Афгани с масонами, относятся к 1875 г., а свидетельство о его вступлении в одну из лож – к февралю 1876 г. В период с 1876 по 1879 г. он состоял членом одновременно нескольких масонских лож. Об этом неопровержимо свидетельствуют изданные в 1963 г. в Тегеране новые документы, касающиеся политической деятельности аль-Афгани в Египте [19, с. 93–100; 20, с. 26–30]. Он приглашался на заседания итальянских лож «Свет Востока», «Нил», «Мадзини» и «Греческой ложи Каира». Его имя мы встречаем в документах, связанных с деятельностью «Нильской ложи Каира», подчинявшейся «Национальной Великой ложе Египта». Наконец, он был одним из ведущих членов (под номером 1355) «Звезды Востока», основанной в 1871 г. и контролировавшейся «Объединенной ложей Англии» [22, с. 142]. Среди членов «Звезды Востока» были представители правящей верхушки, включая наследного принца Тауфика, сподвижники и соратники аль-Афгани, группа улемов и несколько армейских офицеров. По всей вероятности, в 1878 г. аль-Афгани основал «Национальную ложу», связанную с французской масонской ложей «Великий Восток» [20, с. 30; 22, с. 143]. По некоторым данным, группа аль-Афгани выступала также от имени Свободной национальной партии и вынашивала планы устранения и даже убийства хедива Исмаила в пользу наследника престола. Предполагалось, что с приходом Тауфик-паши, связанного с реформаторами, последние получили бы доступ к власти и возможность осуществления своих замыслов [26, с. 60; 27, с. 67–68; 28, с. 489; 19, с. 100].

В лице Свободной национальной партии гражданская оппозиция, очевидно, обрела некое подобие политического центра. Однако деятельность аль-Афгани в скором времени была прервана. 25 июня 1879 г. хедив Исмаил, безуспешно пытавшийся вернуть себе всю полноту власти, по настоянию великих держав был смещен Портой и заменен Тауфик-пашой. Новый хедив (вопреки всем ожиданиям и надеждам реформаторов) оказался послушным исполнителем воли европейских консулов и начал расправу с оппозиционным движением. Аль-Афгани был арестован и выслан из Египта по обвинению в создании тайного общества, посягнувшего на устои религии и сложившегося порядка вещей [29, с. 65]. Реформаторские устремления аль-Афгани претили личным интересам молодого хедива, и он без сожаления порвал с недавним союзником, не желая себя связывать старыми обязательствами.

Многообразная деятельность аль-Афгани не прошла бесследно. Многие его ученики стали активными участниками бурных политических событий накануне и в период восстания Ораби-паши.

Следует отметить, что религиозный аспект антиколониального движения рассматриваемого периода не учитывается в достаточной степени в современной исторической литературе. Так, Национальная партия, выступившая под лозунгом «Египет для египтян» и объединившая группу египетских офицеров-патриотов во главе с Ахмедом Ораби, воспринималась египтянами не просто как «Военная партия» («Аль-Хизб аль-Аскари»), но как «Партия джихада» («Аль-Хизб аль-Джихади»). Ряд источников свидетельствует о так называемой «Партии Аллаха» («Хизб Алла»), членами которой, считалось, были почти все египтяне, готовые выступить на «священную войну» с агрессором [30, с. 119]. Английская «Тайме», говоря о верхушке мусульманского духовенства применительно к этому времени, не нашла более подходящего выражения, чем «партия улемов» или «религиозная партия» [31].

Многие радикально настроенные деятели национального движения группировались вокруг газет исламской патриотической ориентации: «Аль-Бурхан», «Аль-Хиджаз», «Аль-Муфид», «Ат-Танкит ва-т-Табкит» [32, с. 231–241; 30, с. 163–164]. Все они активно выступали против экономической, политической и культурной экспансии европейских государств, призывали мусульман к укреплению обороноспособности перед лицом опаснейшего противника. Газета «Аль-Хиджаз» называла Ораби «защитником ислама», «великим эмиром», «Бисмарком Египта». Она обращалась к улемам Аль-Азхара с призывом сделать все возможное для восстановления славы ислама; напоминала читателю о том времени, когда мусульмане господствовали над значительной частью мира; указывала, что пришло время объединиться для совместной борьбы за освобождение Алжира, Туниса и Индии. Издатель газеты Ибрахим Сирадж ад-Дин аль-Мадани объявил воинскую службу религиозным долгом. Абдала ан-Надим в газете «Ат-Танкит ва-т-Табкит» приветствовал действия египетских офицеров, а их предводителя Ахмеда Ораби представил читателям как потомка пророка Мухаммеда [27, с. 109–130]. Исламистская пресса, безусловно, способствовала превращению Ахмеда Ораби из простого армейского полковника в фигуру общегипетского масштаба.

На Ахмеда Ораби возлагалась защита религии и отечества. К нему обращались не иначе как к защитнику ислама, предводителю «Партии ислама» или Национальной партии. Большинство известных нам петиций исходили от наиболее сознательных в политическом отношении и традиционно готовых к публичному выражению своих требований социальных групп египетского общества – улемов, купечества, шейхов и омов (деревенских старост). Когда в мае 1882 г. английский и французский консулы потребовали немедленной высылки Ахмеда Ораби за пределы Египта, часть улемов открыто поддержала Ораби и выступила против хедива Тауфика. Шейх Мухаммед Улейш публично возложил на последнего ответственность за присутствие англо-французской эскадры в египетских территориальных водах и потребовал привести страну в состояние боевой готовности [30, с. 211]. В свою очередь, и Ахмед Ораби был готов использовать традиции шариата как легитимную основу для свержения хедива в июле 1882 г. [33, с. 106]. Его действия в этом направлении поддержали несколько авторитетных шейхов, а Мухаммед Улейш при этом даже настаивал на провозглашении «священной войны», что вызвало возражение представителей коптской общины, которые вполне резонно отмечали, что только в патриотической, а не в религиозной войне копты смогут выступить на защиту отечества вместе с мусульманами.

Тем не менее, призывы к джихаду впервые официально прозвучали 11 июля 1882 г. со страниц газеты «Египетские ведомости». После бомбардировки Александрии это стало повседневным явлением во многих мечетях страны. Со ссылкой на Коран всячески подчеркивалась богоугодность самопожертвования во имя дела Аллаха и ислама в войне с «неверными». Одновременно звучали призывы к защите отечества, неизбежная апелляция к патриотическим чувствам правоверных. Естественно, патриотизм этот носил традиционный характер, речь скорее шла о религиозно-патриотическом, нежели о национальном сопротивлении. Идеи египетского национализма в той форме, в какой они были ранее сформулированы Рифаа ат-Тахтави и Али Мубараком, не воплотились в политические лозунги и действия антииностранного сопротивления. Концепции секуляризированного национального государства (монархии или республики) египетской нации еще не существовало. Верность османско-исламскому имперскому союзу оставалась краеугольным камнем пропаганды орабистов.

В письме агентству «Гавас» один из орабистов Ахмед Рифаат заявил: «Все возрастающая несправедливость со стороны англичан оправдывает наш призыв ко всем силам ислама» [30, с. 245]. Ахмед Ораби также призвал к «организации исламского фронта против интервенции» [34, с. 245]. В поисках арабо-мусульманской солидарности и поддержки орабисты направляли своих эмиссаров в Сирию, Тунис, Триполитанию, Хиджаз и Индию, через воззвания газеты обращались ко всему мусульманскому миру. В эту деятельность самым активным образом был вовлечен трибун восстания Абдалла ан-Надим, которого нередко обвиняли в приверженности к религиозному фанатизму. Призывая к джихаду, Абдалла ан-Надим оговаривал, что война идет не между мусульманами и христианами, а между всеми египтянами и иностранными захватчиками [27, с. 214]. Инструктируя посланцев-улемов, он требовал, чтобы они изображали везде Ахмеда Ораби как защитника ислама и представителя правого дела Аллаха. Надо сказать, что и его религиозно-патриотические выступления в это время в мечетях, на базарах и улицах практически ничем не отличались от проповедей многих других мусульманских богослужителей.

Из всего сказанного выше отнюдь не вытекает, что восстание Ораби-паши было религиозным движением. Ислам играл в нем важную, но «вторичную роль» [35, с. 39]. Направленное прежде всего против иностранного господства, оно, хотя и было делом рук офицеров во главе с Ораби-пашой, выражало интересы египетского народа. В этом смысле его следует характеризовать как «народное восстание» [36, с. 69]. Использование религиозных лозунгов было естественным и закономерным явлением в условиях тогдашнего Египта. Обращаясь к народу, руководители восстания могли разговаривать с ним только на понятном ему языке. Религиозные лозунги, можно считать, были своеобразным «приводным» ремнем между орабистами и массами. Сам же Ораби выступал (в зависимости от ситуации) то как поборник конституционализма, то как защитник ислама, но чаще всего во всех ипостасях вместе, никогда не оставляя никаких сомнений относительно того, что его идеалы обращены в будущее, а не в прошлое. Говоря о религиозной окраске восстания, следует иметь в виду и то обстоятельство, что после английской интервенции в окружении орабистов усилились позиции консервативных элементов высшего мусульманского духовенства типа шейхов аль-Идви и Улейша.

Антиколониальное восстание Ораби-паши было поддержано шейхами Аль-Азхара с позиций ортодоксального ислама. Даже те, кто в свое время враждебно относился к реформаторской деятельности аль-Афгани, сотрудничали с Ахмедом Ораби. Наиболее последовательными в этом отношении были шейхи Улейш и аль-Идви. В то время как после ареста многие орабисты безоговорочно признали свою вину, шейх аль-Идви заявил на допросе: «Если вы мусульманин, то можете ли вы утверждать, что Тауфик-паша, после того как изменил своей стране и стал сотрудничать с англичанами, имеет право управлять нами?» [8, с. 259].

Подавив антиколониальное восстание Ораби-паши, Англия установила в Египте господство в форме ничем не регламентированного режима «временной» оккупации. В политической жизни страны наступило относительное затишье. Некоронованный король Египта лорд Кромер, скромно именовавшийся «генеральным консулом», сосредоточил в своих руках всю полноту реальной власти, подавлял любое проявление оппозиции. Пренебрежительно относясь к национальным чаяниям египтян, он отказывал им в способности к самостоятельной исторической деятельности.

Многообещающие признаки оживления в национальном движении стали заметны лишь в 1890-х гг. К тому времени среди египетской интеллигенции, общественных и религиозных деятелей уже обозначились два противоположных лагеря – западники и исламофилы. «Первые выступали с критикой традиционного общества и стояли за преобразование Египта по европейскому образцу. Вторые изобличали язвы колониализма, отстаивая жизненность ислама как религиозной и социальной системы, ратовали за самобытный путь развития Египта» [1, с. 220]. Именно они отличались непримиримой враждой к англичанам.

Среди западников можно выделить две основные группы. В первую группу, прозванную «партией Кромера», входили христианские писатели и журналисты левантийского происхождения, выступавшие за полную европеизацию египетского общества и безусловное присутствие в стране английских колонизаторов. Вторую группу составляли западники более умеренного толка во главе с Мухаммедом Абдо («партия имама»), помилованным в 1888 г. В нее входили либералы, которые выражали взгляды «египетской национальной буржуазии, мусульманской интеллигенции и либерально настроенной аристократии» [1, с. 220]. Под влиянием религиозно-обновленческих идей Мухаммеда Абдо находились многие в будущем известные общественно-политические деятели Египта, включая Саада Заглула.

Не в меньшей, если не в большей степени были разобщены исламофилы, отражавшие умонастроения мелкобуржуазной прослойки, части египетской интеллигенции и религиозных кругов, которые нетерпимо относились к колониальному режиму. Начало исламофильству как идейному и политическому течению, тесно смыкавшемуся с панисламизмом, было положено Джамаль ад-Дином аль-Афгани и, как ни парадоксально, Мухаммедом Абдо. В 1884 г. они основали в Париже панисламистскую газету «Неразрывная связь» («Аль-Урва аль-Вуска»), со страниц которой пытались объяснить египтянам и вообще всем мусульманам причины упадка исламской цивилизации и пути освобождения стран мусульманского Востока от колониальной зависимости [37, с. 238–241]. Они призывали возвратиться к первоначальной чистоте ислама, в котором видели силу, способную обеспечить неразрывную связь между мусульманскими народами и сплотить их на борьбу против европейских колонизаторов. «Мусульманское единение» – вот лейтмотив статей, публиковавшихся в их газете, которая нелегально переправлялась в Египет и другие арабские страны. Вышло всего 18 номеров, но этого оказалось достаточно, чтобы положить начало мусульманскому фундаментализму, панисламизму и исламофильству. Возвратившись в 1888 г. после длительного изгнания на родину, Мухаммед Абдо отказался от многих прежних убеждений, всецело отдавшись идее религиозного обновленчества и социальной реформы, которые должны были, по его мнению, заложить основы политической независимости страны.

Нетрудно заметить, что пресса в то время была едва ли не единственным средством выражения политических взглядов, можно сказать, своеобразным организационным центром, вокруг которого собирались противоборствующие группировки. Только «Абу Наддара» Якуба Сануа и «Аль-Урва аль-Вуска», издававшиеся в Париже, осмелились бросить открытый вызов англичанам. Обе газеты призывали египтян к сопротивлению. Решением египетского правительства от 21 июня 1884 г. был запрещен ввоз в Египет особенно опасной «Аль-Урва аль-Вуска». По требованию английских властей и не без помощи «дружественной» Франции аль-Афгани и Абдо прекратили ее издание, выпустив 16 октября 1884 г. последний номер газеты. В то же время колониальные власти всячески поощряли издание проанглийских газет, старались не упустить возможности привлечь к журналистике представителей мусульманской интеллигенции.

В 1889 г. талантливый египетский журналист шейх Али Юсеф основал газету «Аль-Муайяд», которая впервые потребовала эвакуации английских войск из Египта. Газета возглавила исламофильское направление в идейно-политической борьбе [38, с. 235–315]. Но, призывая к исламскому единению, она отнюдь не считала необходимым его осуществление под эгидой турецкого султана-халифа. Али Юсеф воспринимал лишь религиозный аспект доктрины панисламизма. Газета, хотя и выступала против раздела Османской империи, обращала прежде всего внимание на ее неспособность противостоять европейской экспансии, резко критиковала деспотический режим султана Абдул Хамида II, не разделяя идеи принадлежности Египта к Османскому государству. Не потому ли султан запретил распространение газеты во всех арабских вилайетах империи? Шейх Али Юсеф, как никто другой, наиболее ярко отражал настроения традиционной мусульманской интеллигенции, духовенства, мелкого и среднего чиновничества, городской мелкой буржуазии,

откровенно ненавидевших английских оккупантов, которые сломали традиционный, освященный исламом образ жизни.

Антитурецкая позиция «Аль-Муайяд» в целом отвечала интересам британской колониальной политики на Ближнем Востоке. В своем стремлении окончательно подорвать авторитет османской идеи англичане, будучи полными хозяевами страны, поощрительно относились к лозунгу «Египет для египтян». Здесь в самый раз напомнить о том, что, стараясь подорвать Османскую империю изнутри, они поощряли и другие сепаратистские лозунги, а именно: «Левант для левантийцев», «Армения для армян», «Арабиستان для арабов», «Израиль для израильтян».

Мощный импульс росту исламофильских настроений в Египте дал так называемый инцидент Таба (столкновение между Англией и Турцией из-за Синайского полуострова). Внутриегипетский аспект англо-турецкого кризиса незаслуженно обойден вниманием исследователей. Между тем, по свидетельству российского дипломатического агента А. Смирнова, обстановка в Каире была чрезвычайно напряженной. Во время ожидаемого ответа Порты на английский ультиматум по Каиру начали ходить слухи о будто бы готовившейся во всем Египте резне христиан, поскольку мусульмане не могут стерпеть угроз европейцев султану-халифу [39, л. 77].

В своем отношении к англо-турецкому столкновению египетские националисты разделились на два неравнозначных лагеря. Проосманское направление возглавил будущий вождь национально-освободительного движения Мустафа Камиль. В статьях, опубликованных в газете «Аль-Лива» весной 1906 г., он безоговорочно защищал права турецкого султана на Синайский полуостров. Именно в это время стал особенно заметным панисламистский оттенок его пропаганды. Ошибочную позицию лидера египетских националистов поддержала, по существу, вся египетская (не проанглийская) пресса.

На волне исламофильских настроений Камиль призвал учащуюся молодежь в знак протеста объявить забастовку. В феврале 1906 г. призыву Камилля вняли учащиеся юридического колледжа, в большинстве своем разделявшие его политические убеждения. А. Смирнов упомянул в одном из своих донесений даже о нескольких «забастовках воспитанников высших учебных заведений Каира» [39, л. 65–66]. Давая характеристику Мустафе Камиллю, он писал в апреле 1906 г.: «...Талантливый, но фанатичный писатель, который возбуждает народ против европейцев вообще и англичан, в частности... Проповедь Камилля не производит сильного впечатления на образованные классы туземцев, но среди темных масс и учащейся молодежи она в достаточной степени популярна» [39, л. 37].

Иную позицию в период инцидента Таба заняли «образованные классы» – либерально настроенные помещики, представители европеизированной интеллигенции, западники. Они не поддерживали султана. Им были чужды проосманские исламофильские настроения сторонников Мустафы Камилля. В июле 1906 г., в условиях когда крупные мусульманские газеты вторили голосу Мустафы Камилля и поддерживали хедива Аббаса, состоялась организованная адвокатом Ахмедом Лютфи ас-Сайидом встреча группы крупных египетских землевладельцев, где было принято решение начать издание газеты, независимой от хедива, от англичан и от Турции. В результате, 9 марта 1907 г. была основана газета «Аль-Гарида», главным редактором которой стал Ахмед Лютфи ас-Сайид [32, с. 167–168]. В том же году деятели, группировавшиеся вокруг газеты, провозгласили создание «Партии народа» («Хизб аль-умма»), выражавшей интересы либерально-помещичьих круп, частично торговой буржуазии. Ядро партии составили представители той части либеральной интеллигенции, которые восточному деспотизму хедива предпочли европейскую цивилизацию и мирились тем самым с фактом оккупации.

С этого времени в общественно-политической жизни Египта на всем протяжении XX в. устойчиво сохранялись и диалектически переплетались две тенденции – религиозная, ориентированная на ценности традиционного мусульманского общества, и секулярная, взявшая на вооружение идеи и принципы европейской политической культуры. Однако рассмотрение этой сложной и в то же время актуальной проблемы выходит за рамки данной статьи. В качестве завершающего обобщения отметим только следующее.

Для более глубокого и полного понимания особенностей развития национального движения и общественно-политических процессов в Египте, как и в других странах Востока, необходимо учитывать то обстоятельство, что движения социального и политического протеста, антиколониальные и антиимпериалистические настроения различных слоев египетского общества на протяжении всего рассматриваемого периода неоднократно принимали религиозную окраску и находили выражение в активизации мусульманских группировок, ассоциаций и братств. Мусульманские модернисты оказали влияние на политическую борьбу, сыграли заметную роль в объединении и мобилизации масс как в период антиколониального восстания Ораби-паши, так и во время восстания 1919 г.

Как ни парадоксально на первый взгляд, но с усилением процесса секуляризации общественно-политической жизни страны количество мусульманских организаций не уменьшалось, а увеличивалось [40, с. 155–171, 190–222]. Накануне первой мировой войны их насчитывалось не менее десятка (общество «Союз Аль-Азхара», общество «Мусульманская связь», полудервишская организация «Общество братской солидарности» и др.). Особенно бурно активизировалось религиозное движение в конце 20–30-х гг. XX в., когда мусульманские националистические организации превратились в

серьезную политическую силу, в один из важнейших факторов общественно-политической жизни Египта. Крупнейшая из них – Ассоциация братьев-мусульман – безуспешно пыталась решить стоявшие перед Египтом национальные и социально-экономические проблемы путем осуществления «исламской революции». Есть все основания считать, что прообразом Ассоциации явилось «Общество братской солидарности», возникшее в 1906 г.

Ставший заметным к началу XX в. процесс политизации ислама в Египте объясняется, с одной стороны, неослабевающей ролью и влиянием традиционного религиозного фактора в жизни египетского общества, с другой – явной неспособностью как традиционных институтов власти, так и новых буржуазных партий и их кабинетов решить чрезвычайно сложные в условиях Египта социально-экономические проблемы.

Источники и литература

1. Иванов Н.А. Египет // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. – М., 1976.
2. L'Egypte au XIX siècle. – P., 1982.
3. Gran P. Islamic Roots of Capitalism in Egypt 1760–1840. – Austin, 1979.
4. El Sayed A. The Role of the Ulama in Egypt in Nineteenth Century // Political and Social Change in Modern Egypt. – L., 1968.
5. Al-Sayyid-Marsot A. The Ulama of Cairo in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Scholars, Saints and Sufis. – Berkeley, 1972.
6. Голдобин А.М. Народные выступления в Каире в конце XVIII – начале XIX в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. – Ч. 2 (доклады и сообщения по арабистике). – М., 1981.
7. Фильштинский И. М. Каирские восстания 1798 – 1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана аль-Джабарти // Советское востоковедение. – 1958. – № 3.
8. Delanoue G. Moralistes et politiques musulmans dans l'Egypte du XIX-ème siècle (1798 – 1882): Thèse. – Lille, 1980.
9. Рида Мухаммад Рашид. Тарих аль-устаз аль-имам аш-шайх Мухаммад Абду. – Каир, 1931. – Т. 1 (на араб. яз.).
10. Иса Салах. Ас-Саура аль-урабийя ва масъала ас-султа // Аль-Катиб. – 1972. – № 132 (на араб. яз.).
11. Халафалла Мухаммад Ахмад. Абдалла ан-Надим ва музаккиратуху ас-сийасийа. – Каир, 1956 (на араб. яз.).
12. Kudsi-Zadeh A. The Emergence of Political Journalism in Egypt // The Muslim World. – 1980. – Vol. 70. – № 1.
13. Tomiche N. Remarques sur la langue et l'écriture en Egypte, 1805 – 1882 L'Egypte au XIX siècle. – P., 1982.
14. Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.): Очерки по истории общественной мысли народов Востока. – М., 1973.
15. Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. 1917 – 1945. – М., 1979.
16. Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). – М., 1972.
17. Gendzier I. The Practical Visions of Ya'qub Sanu'. – Cambridge (Mass.), 1966.
18. Долинина Л.В. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870–1917 гг. – М., 1968.
19. Keddie N. Sayyid Jamal ad-Din al-Afghani. – Berkeley, 1972.
20. Kudsi-Zadeh A. Afghany and Freemasonry in Egypt // Journal of the American Oriental Society. – 1972. – Vol. 92. – № 1.
21. Landau J. Prolegomena to a Study of Secret Societies in Modern Egypt // Middle Eastern Studies. – 1965. – Vol. 1. – № 2.
22. Sabry M. La genèse de l'esprit national égyptien (1863–1882). – Paris, 1924.
23. Ратман Л. Проблемы восстания Ораби 1879 – 1882 гг. в Египте // История и экономика стран Арабского Востока. – М., 1973.
24. Кириллина С. Л. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 1989.
25. Ас-Саид Рифаат. Аль-Асас аль-иджтимаийа ли-с-саура аль-урабийя. – Каир, 1966 (на араб. яз.).
26. Рамадан Абд аль-Азим. Кийада ас-саура ва фикра ас-султа // Ат-Талиа. – 1971. – № 9 (на араб. яз.).
27. Аль-Хадида Али Мухаммад. Абдалла ан-Надим хатиб аль-ватанийа. – Каир, [б. г.] (на араб. яз.).
28. Blunt W. Secret History of the English Occupation of Egypt being a Personal Narrative of Events. – London, 1907.
29. Субейх Мухаммад. Айам ва айам 1882–1956. – Каир, 1966 (на араб. яз.).
30. Schölch A. Ägypten den Ägyptern! Die politische und gesellschaftliche Krise der Jahre 1878 – 1882 in Ägypten. – Zürich und Freiburg, 1972.
31. The Times (London). – 1879. – Apr. 16.
32. Авад Луис. Тарих аль-фикр аль-мысри аль-хадис мин аср Исмаил иля саура 1919. – Каир, 1984. – Т. 2. (на араб. яз.).
33. Аль-Хафиф Махмуд. Ахмад Ураби аз-заим аль-муфтара аляйхи. – Каир, 1971 (на араб. яз.).
34. Иса Салах. Ас-Саура аль-урабийя. – Каир, 1982 (на араб. яз.).
35. Baer G. Islamic Political Activity in Modern Egyptian History: a Comparative Analysis // Islam, Nationalism and Radicalism in Egypt and the Sudan. – New York, 1983.

36. Мирский Г. И. «Третий мир». Общество, власть, армия. – М., 1976.
37. Хакимов И. М. Антиколониализм Джамаль ад-Дин аль-Афгани на страницах «Аль-Урва аль-Вуска» (1884) // Арабские страны. История. Экономика. – М., 1970.
38. Рифаи Мухаммад Али. Риджалъ ва мавакиф. – Каир, 1974 (на араб. яз.).
39. Архив внешней политики России. – Ф. Политархив. 1906 – 1914. – Д. 856.
40. Кошелев В. С. Египет от Ораби-паши до Саада Заглула. 1879 – 1924. – М., 1992.

Summary

The article is devoted to the analysis of early modernization of the traditional Egyptian society under strengthening pressure of European countries on Egypt. Greater attention is paid to the development of modern political culture and the response of the Islam on the European threats. In the conclusion the author thinks that the modernization process and slow secularization has not weakened the Islamic influence in Egyptian society. Moreover Islamic political activity in Egypt has increased considerably by the early twentieth century.

О. Р. Давлетов

ГУСТАВ АДОЛЬФ ЛЕНК І ДІЯЛЬНІСТЬ “ЮНГШТУРМУ АДОЛЬФ ГІТЛЕР” (1922–1925 рр.)

На початку ХХІ ст. вже накопичено досить велику кількість наукових розвідок щодо генезису німецького варіанту фашизму. Проте, історія феномена виникнення націонал-соціалізму продовжує викликати значний інтерес серед дослідників. Незважаючи на вельми вагомий обсяг вже існуючих робіт, фахівці ще мають висвітлити окремі аспекти з історії НСДАП.

Вивчення діяльності Націонал-соціалістичної робітничої партії Німеччини (далі – НСДАП) в часи існування Веймарської Республіки (1919–1933) представляє значний науковий і політичний інтерес. Актуальність дослідження ролі націонал-соціалістів у руйнуванні буржуазно-демократичної держави набуває все більшого практичного значення, незважаючи на те, що світовий розвиток в останній чверті ХХ ст. вже не проходить під знаком боротьби двох протилежних систем і все більше утверджується ідея пріоритету загальнолюдських цінностей перед класовими, груповими чи іншими інтересами. Крім того, не можна говорити про те, що феномен фашизму вже належить минулому.

Тому вивчення місця НСДАП в історії краху буржуазного парламентаризму в Веймарській Німеччині має не тільки академічний, але й великий політичний інтерес. Дуже важливо розкрити основні фактори, які сприяли ліквідації буржуазно-демократичного ладу в Німеччині, прослідкувати саму механіку підготовки встановлення авторитарної диктатури в країні, де діяли великі буржуазні політичні партії та розгалужена система молодіжних організацій.

На сьогодні, на початку ХХІ ст., вже накопичено велику кількість наукових розвідок щодо генези німецького варіанта фашизму. Найбільш повна „Бібліографія націонал-соціалізму”, що вийшла у світ у 1995 р., була зібрана доцентом Манхеймського університету Міхаелем Рюком. Вона має обсяг 1428 сторінок і охоплює 20356 назв робіт, що вийшли з цієї проблематики в Західній Європі та США англійською, французькою та німецькою мовами [1, с. 1]. За підрахунком професора Юрія Галактіонові з Кемеровського державного університету, після виходу у світ цієї бібліографічної збірки кількість книг та статей про націонал-соціалізм (якщо враховувати і праці, опубліковані у Східній Європі та СНД) зросла ще на 2000 одиниць [2, с. 5].

Таким чином, можна констатувати, що історія феномена фашизму, перш за все німецького, продовжує викликати значний інтерес серед дослідників. Не зважаючи на вагомий обсяг вже існуючих робіт, історики мають ще висвітлити окремі аспекти цієї проблематики. Так, і сьогодні мало вивченими „залишаються методи, засоби, прийоми поширення нацистської ідеології” [3, с. 129]. Не розкриті і „проблема співвідношення в нацистській системі панування методів терору, пропаганди та організаційно-політичного впливу, їх взаємозв’язки та взаємодію у різні періоди існування режиму” [4, с. 93] та під час боротьби за владу у Веймарській Республіці. Безумовно, що все це має відношення і до „молодіжної політики” НСДАП. Саме тому мета даної наукової розвідки – дослідити вплив Густава Адольфа Ленка на становлення оргструктур молодіжної організації НСДАП у 1922–1925 роки.

1922 рік був не випадково обраний фюрером для заснування „молодіжного відділу” НСДАП. У цей час нацистська партія посилено вербувала своїх прихильників, намагалась об’єднати навколо себе будь-які інші, близькі за духом організації. Саме у 1922 році під егідою НСДАП створюється „Єдиний національний фронт”, куди ввійшли деякі парамілітаристські та „фюлькіш”-спілки типу „Спілка імперського прапора”, „Оберланд”, „Бойова спілка Нижньої Баварії” тощо.

Ініціатором утворення особливого „молодіжного відділу” нацистської партії був 18-річний юнак Густав Адольф Ленк. Цей виходець із робітничого середовища – настроювач на рояльній фабриці